

Материальное обеспечение российского учительства в Китае во второй половине XIX — начале XX в.

Павел Андреевич Лапин,

кандидат исторических наук, руководитель
группы гуманитарного сотрудничества и инфор-
мации Посольства России в Китае, Пекин, КНР.
E-mail: waijiao2000@mail.ru

В Цинской империи местный двор регулярно приглашал к себе на службу иностранцев. Более широко такая практика начала применяться во второй половине XIX — начале XX в., когда в Китае запустили прозападные реформы в интересах укрепления позиции страны на международной арене. Нанятые эксперты трудились в различных отраслях, одной из которых было новое, ориентированное на практику образование.

Важным направлением работы соответствующих государственных ведомств являлась реализация сбалансированной финансовой политики по обеспечению нормального материального положения иностранных, в том числе российских, учителей, нанятых в китайские учебные заведения. В этом вопросе у местных администраторов возникало немало трудностей, поскольку в процессе реформ двор уделял первостепенное внимание военному и промышленному строительству, тогда как развитие образования не считалось приоритетной задачей, вследствие чего его финансирование осуществлялось по остаточному принципу. Действуя в рамках ограниченных ассигнований, руководители учебных заведений всё же изыскивали возможности приглашать иностранных преподавателей, назначая им большое жалование, что позволяло обеспечить накопление в ведущих отраслях передовых знаний и опыта.

В статье анализируется материальное положение работавших в Китайской империи российских преподавателей в контексте общей политики финансирования местного образования, проводится сравнение материального достатка российского учительства в Китае и России, что также важно с точки зрения понимания привлекательности возможностей трудоустройства наших соотечественников в китайской системе образования.

Ключевые слова: Цинская империя, финансирование образования, русский язык в Китае, преподавание русского языка, российские преподаватели, материальное положение учителей.

Financial Support of Russian Teachers in China in the Second Half of the Nineteenth Century and at the Beginning of the Twentieth Century.

Pavel Lapin, Russian Embassy in China, Beijing, PRC.

E-mail: wajjiao2000@mail.ru.

The imperial Qing court regularly invited foreigners for work. This practice was used widely in the second half of the nineteenth century and at the beginning of the twentieth century when pro-Western reforms were carried out in China in order to consolidate the position of the country on the international stage. Foreign experts served in China in various spheres one of which was a new practical education.

The most significant aspect of the activity of these government establishments was balanced financial policy on ensuring normal financial position of foreign and Russian teachers who worked at Chinese schools. Local authorities had many difficulties as the court's primary focus was on military and industrial construction. The development of education was not a matter of priority so it was financed residually. Acting within limited assignments, the heads of educational institutions were able to find opportunity to invite foreign teachers and to fix a big salary that ensured accumulation of progressive knowledge and experience in leading spheres.

The article analyses the economic conditions of Russian teachers who worked in China in the context of general financial policy of education. The study also compares the income of Russian teachers in China and Russia. This aspect is important from the point of view of employment possibilities for Russians in Chinese educational system.

Keywords: Qing Empire, education financing, Russian language in China, teaching Russian language, Russian teachers, economic conditions of teachers.

Исследование системы материального обеспечения российских преподавателей в учебных заведениях Цинской империи является важной темой, позволяющей понять особенности финансирования китайского образования, проанализировать приоритеты местных властей в подготовке кадров для нужд развития государства. Иностранцы специалисты очень ценились, так как рассматривались в качестве одного из надёжных источников получения передовых знаний и идей, столь необходимых для успешной реализации проводившихся в Китае во второй половине XIX — начале XX в. реформ.

Обеспечение нормального материального содержания иностранных, в том числе российских, преподавателей в местных учебных заведениях считалось одной из приоритетных задач китайских государственных ведомств, отвечавших за вопросы финансирования системы образования.

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Во второй половине XIX в. опиумные войны Китая с мировыми державами и последовавшая за ними серия первых неравноправных договоров продемонстрировали слабость Цинской империи, её неспособность обеспечить свою безопасность и успешно противостоять натиску извне. В Пекине шёл поиск дальнейшего пути развития государства в условиях втягивания его в новую систему международных отношений колониального типа.

Усиление империи прогрессисты того времени видели в проведении реформ, которые частично были запущены в Китае в 60-х гг. XIX в. Тогда определённое внимание стало уделяться и модернизации системы образования: с учётом потребности в новых кадрах началось открытие специальных языковых, технических, военных школ и училищ. Надо сказать, что это была лишь первая стадия преобразований, поэтому до 90-х гг. XIX в. в стране появилось не более 30 таких учебных заведений [26, с. 57]. Однако уже к 1898 г. их количество достигло 58, а за один только 1901 г. в экономически наиболее развитой провинции Цзянсу новых школ стало уже 99 [13, с. 63]. В 1905 г. была упразднена система государственных экзаменов *кэцзюй*, а многочисленные учебные заведения, готовившие претендентов к участию в этих испытаниях, перепрофилировали в современные школы различных направлений. Годом раньше в империи приняли «Поданное на высочайшее имя и утверждённое Положение об учебных заведениях» (кит. «Циндин сюэтан чжанчэн», 奏定学堂章程) — системный документ, формулировавший основные принципы работы национальной системы образования, определявший её цели и задачи. Всё это способствовало росту количества современных учебных заведений: если в 1902 г. по всей стране их насчитывалось чуть более 700, то в 1907 г. — 37,6 тыс. [12, л. 17—18], а в 1911 г. — 52,5 тыс. [20, с. 60].

Столичные власти изыскивали способы финансирования новых структур, что в условиях крайнего дефицита сделать было нелегко. С 1865 по 1895 г. на реформы из центрального бюджета шло всего чуть более 7%¹, при этом на поддержку системы образования — лишь 0,3% [14, с. 191]. В 1891 г. государство выделило² на нужды учебных заведений чуть более 1% (2,23 млн лян³ серебра) [19, с. 10]. В начале XX в. ситуация с финан-

¹ Основные средства направлялись на вооружение армии, создание нового военного флота, строительство железных дорог.

² Общий объём бюджетных выплат составлял 298,4 млн лян [19, с. 10].

³ Серебряный лян (кит. иньян, 银两) — мерный слиток серебра, в качестве «денежного инструмента просуществовал в Китае более 1,7 тыс. лет» [11, с. 21]. Слитки изготавливались различного веса и конфигурации: юаньбао (кит. 元宝; вес 50 лян, считался самым крупным), чжундин (кит. 中锭; 10 лян), сяодин (кит. 小锭; 3—5 лян), дичжу (кит. 滴珠; до 1 лян) [22, с. 178—179]. Вес 1 лян варьировался от 36 до 37,68 г, при этом использовавшийся в международных расчётах

сированием несколько улучшилась: так, в 1907 г. годовой объём средств на развитие образования в провинции Уань, где было сосредоточено наибольшее количество учебных заведений и учащихся⁴, составил 4% от её бюджета (289,7 тыс. лян) [19, с. 10].

Кроме центрального и провинциальных бюджетов, деятельность образовательных учреждений финансировалась за счёт взносов обучающихся. В 1905 г. с принятием «Положения об учебных заведениях» была введена обязательная плата за учёбу в подавляющем большинстве государственных школ и училищ. Это позволило привлечь новые средства. Например, лишь в 1907 г. общий объём сборов за обучение в империи составил 1,3 млн лян (7,7% всех бюджетных ассигнований (16,9 млн лян), выделенных на поддержание образования) [26, с. 58—59; 12, л. 17—18].

На этапе становления новой образовательной системы, действуя в условиях ограниченных финансовых возможностей, государство могло обеспечить лишь элементарные потребности учебных заведений, при этом главной статьёй расходов была выплата жалованья преподавателям (порядка 70%) [21, с. 73].

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

С целью организации новой системы образования во второй половине XIX в. цинский двор наладил практику приглашения иностранных преподавателей. Бюджетные ограничения не позволяли нанимать значительное количество зарубежных наставников. Согласно данным китайского Ведомства по делам просвещения (кит. *Сюэбу*, 学部), в 1907 г. в учебных заведениях по контракту работало всего 208 иностранцев [12, л. 11, 13—14, 46—50]⁵. Эти сведения, правда, основываются только на материалах официально

так называемый таможенный лян весил 37,68 г [22, с. 182—184]. Слитки имели разную пробу в зависимости от содержания в них драгоценного металла. В основном применялись серебряные деньги с пробами цзуинь (кит. 足银; 99,2% серебра) и вэньинь (кит. 纹银; 93,0% серебра и выше) [22, с. 181—182]. В 1644 г. был установлен обменный курс: 1 лян серебра соответствовал 1 тыс. медных монет (кит. вэнь, 文; монеты имели отверстие посередине, для удобства обращения их формировали в связки, надевая на шнурок). Однако такой курс применялся не всегда и корректировался естественным образом в зависимости от конкретной ситуации на рынке и международной обстановки, варьируясь в течение более двух веков правления династии Цин от 700 вэнь до 2,3 тыс. вэнь за 1 лян [18, с. 10—13]. Для контроля качества изготавливаемых серебряных денег повсеместно учреждались оценочные бюро (кит. гунгузюй, 公估局), в состав которых входили представители местных властей, монетных производств, крупные торговцы и промышленники.

⁴ К данному времени там было в общей сложности выстроено 7793 учебных заведения, которые посещали 244 538 чел. [12, л. 18]. Для сравнения: в центральной провинции Чжили, где располагалась столица империи, насчитывалось всего 164 172 учащихся [12, л. 18].

⁵ По данным этого же ведомства, общее количество местных преподавателей по всей империи составляло 63 556 чел. [12, л. 17—18].

заклѹченнѹх контрактѹх. В реальности зарубежных преподавателей в китайской системе образования было гораздо больше. Например, лишь по данным японских исследователей, в 1897—1909 г. в открытых в Цинской империи школах трудилось более 450 японских учителей [16, с. 129].

Россияне также приглашались в китайские учебные заведения для преподавания русского языка. Первых из них наняли ещё в 1708 г. в пекинскую Школу русского языка при Дворцовой канцелярии (кит. *Нэйгэ элосы вэньгуань*, 内阁俄罗斯文馆), это было старейшее официальное учебное заведение, специализировавшееся на преподавании русского (да и вообще европейских языков) в Китае (подробнее о работе наших соотечественников в данной школе см.: [17, с. 80—88]). При зачислении на должности россияне получали 8-й⁶ ранг китайской государственной службы (кит. *бапинь гуань*, 八品官), в соответствии с которым назначали годовое жалованье, составлявшее 40 лянв серебра и 20 даней⁷ риса (при перерасчёте на натуральные деньги — 28,4 лянв серебра) [8, с. 35]. «Определено было мне, — вспоминал наиболее известный российский преподаватель школы, ученик Второй Российской духовной миссии в Пекине И.К. Россохин⁸, — по сту по осьмидесят рублей в год». Это, по данным синолога П.Е. Скачкова, как раз и соответствовало 40 лянв серебра [4, с. 90; 5, с. 41]. Единоразово установленная ставка впоследствии не менялась вплоть до закрытия учебного заведения в 1861 г.

В 1862 г. в Пекине при помощи иностранцев открыли первое заведение европейского образца — училище иностранных языков и точных наук Тунвэньгуань (кит. 京师同文馆), в котором весной 1863 г. начало работу отделение русского языка. По рекомендации российского посольства в Пекине первым русским преподавателем отделения стал выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, член Четырнадцатой Российской духовной миссии в Пекине, переводчик российского посольства, титулярный советник А.Ф. Попов (1829—1870) [АВП РИ. Ф. 161. II-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 3 об.]⁹.

Китайское Главноуправляющее ведомство по делам всех государств¹⁰ (кит. *Цзунли гэгэ шунь ямэнь*, 总理各国事务衙门) установило А.Ф. Попову довольно приличное вознаграждение (до 600 лянв серебра в год), которое с 1864 г. было увеличено до 1 тыс. лянв [АВП РИ. Ф. 161. II-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 1 об., 13]. Видимо, и эти средства оказались Попову недостаточными, так как «зимой прошлого года (1865. — П.Л.), после экзаменов, учитель русского отделения Попов просил повысить ему жалованье» [24, с. 62]¹¹.

⁶ Всего рангов было 9, самым высоким являлся 1-й.

⁷ Дань (кит. 石) — мера веса сыпучих тел в императорском Китае. 1 дань равнялся 177,7 рыночных цзиней, т.е. 88,85 кг.

⁸ Работал в школе в 1735—1740 гг.

⁹ Подробнее о нём см., например: [6, с. 76—87].

¹⁰ Учреждено в 1861 г., курировало вопросы внешней политики Цинской империи, в т.ч. контакты с Россией.

¹¹ Возможно, А.Ф. Попов решил обратиться к руководству училища с просьбой о повышении своего содержания по той причине, что в открывшемся в 1864 г.

Судя по всему, с этого момента российским специалистам при зачислении на китайскую службу перестали присваивать ранги¹², а жалованье назначалось с учётом общей экономической ситуации в государстве¹³ и, видимо, приоритетов его внешней политики. Кстати, возможно, именно поэтому французскому учителю в Тунвэньгуань (отделение открыто в 1863 г.) долгое время платили лишь 600 лян в год [АВП РИ. Ф. 161. П-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 1 об., 13].

В конце XIX в. по мере развития российско-китайских политических и торгово-экономических контактов в разных городах Поднебесной, прежде всего ориентированных на диалог с представителями нашей страны, местными властями начали учреждаться школы по преподаванию русского. По данным российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова (1865—1908), в 1906 г. в Китае (не включая столицу) в общей сложности функционировало порядка 10 учебных заведений, в которых учили русскому языку [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2045. Л. 19].

Стоит сказать, что Россия в указанный период сильно уступала гуманитарному влиянию других европейских держав и США, имевших в Цинской империи свои интересы. «Мы явились с мыслью о культурном воздействии на Китай для сближения его с нами и подчинения нашим видам слишком поздно, — ещё в 1897 г. в своём письме в МИД сетовал российский консул в Тяньцзине Н.А. Шуйский, — когда главное, что можно с этой целью сделать, уже захвачено иностранцами. Так, например, военное дело — немцами, морское и инженерное — англичанами и американцами» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 313. Л. 21 об.]. В 1906 г. посланник в Пекине Д.Д. Покотилев предложил российским властям «обратить ныне же серьёзное внимание на упорядочение дела преподавания русского языка на первое время хотя бы только в существующих уже школах» (о которых он упоминал в 1906 г.) [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 15 об.]. В 1907—1908 гг. дипломат организовал экспедицию по китайским городам с тем, чтобы «ознакомиться с положением этого дела в каждом отдельном учреждении». Руководил объездом старший преподаватель

в Гуанчжоу таком же по статусу учебном заведении — Гуанчжоуском училище иностранных языков (кит. *Гуанчжоу тунвэньгуань*, 广州同文馆) — зарубежным преподавателям было назначено жалованье в размере 1,2 тыс. лян в год [23, с. 261]. Однако это очень условное предположение, так как в училище, открытом в Гуанчжоу, русский сначала не был введён, соответствующее отделение появилось лишь в 1897 г. и финансировалось весьма незначительно: выделялось всего 350 лян в месяц [10, с. 158].

¹² Не исключено, что администрация учебного заведения поступила таким образом в связи с заявлением первого иностранного наставника Тунвэньгуань англичанина Йохана Бардона (англ. John S. Burdon), который при поступлении на службу отказался от каких-либо рангов и лишь попросил себе жалованье в размере 300 лян [24, с. 43].

¹³ Администрация учебного заведения установила Бардону небольшое жалованье, за которое позже иностранные специалисты отказывались работать. В этой связи на следующий год (1863), когда в школу как раз пригласили А.Ф. Попова, средний размер вознаграждения повысили до 1 тыс. лян [24, с. 60].

Школы русского языка при КВЖД, чиновник особых поручений Министерства финансов Я.Я. Брандт (1869—1946).

По итогам своего путешествия в конце лета 1908 г. Я.Я. Брандт подготовил отчёт, снабдив его «Ведомостью подлежащих русской инспекцией китайских школ, в коих преподаётся русский язык». Сейчас данный документ — один из важнейших источников по истории русистики в Китае во время правления династии Цин [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 128—132 об.].

Как следует из доклада, в 1907—1908 гг. чиновник посетил шесть учебных заведений, где преподавался русский язык. Ему удалось укомплектовать их российскими преподавателями, которым китайские власти согласились выплачивать жалованье [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 131 об.].

Так, по свидетельству «Ведомости», средний уровень годового дохода российских преподавателей составлял 2,5 тыс. ляннов серебра. Максимальная ставка (4,2 тыс. ляннов) была у некоего Харжевского, работавшего в Хубэйском училище иностранных языков в городе Учане (кит. *Хубэй цзыцян сюэтан*, 湖北自强学堂), минимальная (840 долл. в год, курс к серебряному лянну — 1/1) — у студента-практиканта Восточного института (Владивосток) Чирскова, который преподавал в школе Юй-цай в г. Чифу [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 131 об. — 132].

Я.Я. Брандт объезжал учебные заведения лишь в регионах Китая, так как, видимо, положение дел в столице было в целом известно. В архивных материалах сохранился отчёт посольства за 1906 г. («Данные о школах в собственном Китае, в которых производится преподавание русского языка»), содержащий информацию о жалованье россиянина, работавшего в Школе переводчиков (кит. *Исюэгуань*, 译学馆) при Пекинском университете, некоего Григорьева, чей годовой оклад составлял 5 тыс. долл. [АВП РИ. Ф. 560. Оп. 28. Д. 780, Л. 52 об.]. Судя по имеющимся данным, это самый большой размер зарплаты.

По установленным правилам, причитавшееся вознаграждение наши педагоги получали дважды: перед началом осеннего и весеннего учебного полугодия [24, с. 61].

Кроме основного жалованья, россиянам полагались некоторые доплаты и надбавки. Например, администрация Тунвэньгуань ежегодно выдавала иностранным преподавателям по 1 тыс. ляннов для приобретения писчих принадлежностей, а также компенсировала расходы на внутригородской транспорт, что, кстати, являлось существенным подспорьем [23, с. 33].

Жалованье, установленное россиянам в китайских учебных заведениях во второй половине XIX — начале XX в., было в целом сопоставимо с уровнем зарплат педагогов из европейских государств и США (иностранные учителя в том же Тунвэньгуань получали за свою работу ежегодно от 500 до 1 тыс. ляннов [АВП РИ. Ф. 161. II-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 1 об., 13; 23, с. 10]). Вместе с тем стоит сказать, что в некоторых заведениях материальное положение преподавателей из других стран было гораздо лучше,

чем у наших соотечественников. Например, в Гуанчжоуском училище иностранных языков англичанин и немец кроме основной зарплаты (которая сама по себе была выше, чем в пекинском училище) также получали дополнительные средства на наём жилища, имели личного секретаря и повара, им выдавались деньги на покупку чая и продуктов [24, с. 243]. Сложно сказать, планировалось ли предоставлять такие же субсидии российским учителям, которые работали в этом же заведении, но, по крайней мере, в уставе училища никакой информации на этот счёт не содержится [24, с. 241—244].

Чтобы оценить уровень денежного довольствия россиян, его можно сравнить с зарплатами их китайских коллег. Среди последних максимальные ставки были у тех, кто работал в частных конфуцианских школах *шююань*, готовивших претендентов для сдачи экзаменов на получение учёных степеней и причитавшихся в соответствии с ними государственных должностей (*кэцзюй*). Годовой заработок таких учителей, например, в экономически наиболее развитой провинции Гуандун доходил до 350 лянов [8, с. 105]. Педагоги государственных, в том числе открытых с иностранным участием, начальных и средних учебных заведений зарабатывали заметно меньше. Например, содержание первого китайского преподавателя русского отделения Тунвэньгуань, некоего уроженца провинции Хэнань Ян Имина (кит. 杨亦铭), составляло всего 8 лянов серебра в месяц (или 96 лянов в год) [25, цз. 15, с. 657—658]¹⁴.

Рабочие отношения между россиянами и администрацией китайских учебных заведений регулировались на основе подписанного сторонами типового срочного контракта, базовые положения которого были аналогичными «с теми, которые принято у китайцев заключать с иностранцами, поступающими на китайскую службу» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 313. Л. 28]. Несмотря на наличие юридических оснований для осуществления трудовой деятельности, у наших учителей иногда возникали сложности в диалоге с представителями школ, и лишь наличие официальных контрактов позволяло обеспечить законные права россиян¹⁵. В начале XX в. в связи с увеличением количества иностранных специалистов, приглашённых на китайскую службу, возникла необходимость обновления юридической базы их найма. В 1908 г. Ведомство по делам просвещения обнародовало «Образец контракта для нанятого иностранного преподавателя». Документ состоял из 19 статей и фиксировал основные

¹⁴ Этот размер жалованья соответствовал зарплате неквалифицированного рабочего китайских угольных шахт и железных рудников [18, с. 182—188] и был значительно меньше официального дохода государственных служащих, занимавших самые нижние позиции в провинциальных администрациях, например помощников начальников уездов (2 тыс. лянов) [9, с. 112].

¹⁵ Например, после выявления грубых нарушений контрактных обязательств со стороны руководства Хубэйского училища иностранных языков в Учане при увольнении российского преподавателя Харжевского, понёсшего в результате неоправданные материальные издержки, по «частным сведениям даотай Синь-лин [был] уволен от должности директора школы» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 162].

права и обязанности сторон при исполнении иностранцами своих должностных функций (подробнее см.: [15, с. 99—103]).

Важно отметить и то, что при зачислении на работу в китайские учебные заведения наши педагоги продолжали сохранять за собой права российской государственной службы, занимая в своих ведомствах или учебных заведениях сверхштатные должности, в связи с чем могли претендовать на своевременное получение классных чинов своего государства, а по завершении службы — полагавшегося с учётом имевшихся правил пенсионного обеспечения [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11].

Стоит сказать, что материальное содержание россиян, находившихся на службе в китайских учебных заведениях, выгодно отличалось от уровня достатка педагогов на родине. В 1890-х гг. средний оклад преподавателей начальных школ в Российской империи составлял 180—300 руб. в год [1, с. 17], чего иногда не хватало даже для обеспечения самых элементарных потребностей семьи учителя [7, с. 40]. Качественное повышение зарплат произошло лишь в 1912 г., когда был принят закон «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях и окружных инспекторов» [3, 37008, с. 435—439]. Размер оклада педагога средней школы составлял 750—900 руб. в год в зависимости от образования и опыта [3, с. 435]¹⁶.

* * *

Развитие новой системы образования в Китае во второй половине XIX в. происходило в условиях значительных бюджетных ограничений, поскольку приоритетными являлись прежде всего такие направления государственного строительства, как военная промышленность, флот, электрификация, железные дороги. Поэтому местные администраторы вынужденно ограничивались открытием незначительного числа новых учебных заведений разного профиля, которые должны были выступать

¹⁶ Если сравнивать материальное положение российских педагогов в родной стране (после повышения зарплат) и в Китае, то оно всё равно было значительно лучше у последних, о чём свидетельствуют данные обменного курса рубля и серебряного лян, а также обеспеченность окладов международными платёжными инструментами. В середине XIX в. за 1 лян давали 2 руб. [АВП РИ. Ф. 161. II-12. Оп. 52. Д. 1. Л. 1 об.], а с середины XIX в. и до начала XX в. — 1,5 руб. [11, с. 382; 2, с. 130]. Несложно понять, что средняя зарплата квалифицированного российского специалиста в китайских учебных заведениях в начале XX в. (2,5 тыс. лян) по курсу того времени составляла 3750 руб., то есть в 12 раз превышала максимальную зарплату учителя российской начальной школы (300 руб.), или в четыре раза — назначенный после принятия в 1912 г. соответствующего закона оклад преподавателя, имевшего вузовское образование и работавшего в среднем учебном заведении (900 руб.). Обеспеченность окладов, например, долларом США, входившим тогда в мировую валютную корзину, также отличалась: в среднем российский преподаватель в Китае до Первой мировой войны получал 1875 долл. США (1 лян — 0,74 долл.) [11, с. 382], а в своём государстве — лишь 463 долл. (1 долл. — 1,94 золотых руб.).

своего рода экспериментальными центрами по подготовке новых кадров. Лишь в начале XX в., в том числе вследствие упразднения *кэцзюй*, удалось существенно нарастить образовательную структуру, а постепенная вовлечённость в международные дела и упрочнение связей с зарубежными государствами способствовали росту авторитета и привлекательности новых учебных заведений для подданных Китая.

Основная часть средств, направляемых на поддержание образования, шла на выплаты жалования иностранным, в том числе российским, преподавателям. Начиная с 1708 г. наших соотечественников регулярно приглашали на должности в новооткрывавшиеся в империи учебные заведения. Конечно, представителей других зарубежных государств было намного больше, но общая протяжённая граница, постоянные политические, военные и торговые контакты предполагали наличие в Китае опытных русистов, подготовка которых была невозможна без специалистов из России.

Весьма любопытен в этой связи механизм определения размеров жалования. Наша страна, как видится, не являлась приоритетным направлением внешней политики Цинской империи, изучалась сравнительно меньше европейских государств и США¹⁷, но это не отражалось на решениях о размере вознаграждения работавших в китайских учебных заведениях российских преподавателей. Они получали в среднем столько же, сколько и другие иностранцы. Не исключено, что администрации тем самым пытались обеспечить равенство приглашённых учителей во избежание возможных внутренних конфликтов, кроме того, имелось понимание: для подготовки русистов требуется немного преподавателей из России, что позволяло назначить им соизмеримое с другими иностранцами высокое жалование.

Наши соотечественники в китайских учебных заведениях, таким образом, имели хороший материальный достаток, по факту сопоставимый с официальным окладом начальника уезда Цинской империи (1,5—4 тыс. лянов) [8, с. 15]. Важным преимуществом было также и то, что при командировке не утрачивались права российской государственной службы. Все эти обстоятельства укрепляли интерес учительства к работе по профессии в Китае: «Узнав из газет, что китайское правительство приглашает русских учителей к себе на службу в открывающиеся русско-китайские школы, — в декабре 1899 г., в частности, писали преподаватели одной из кавказских школ на имя посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, — осмеливаемся покорнейше просить... к определению нас учителями в названные школы с положенным содержанием, прогонными и подъёмными» [АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1442. Л. 4]. Подобные обращения были тогда нередки, что свидетельствовало о привлекательности для российских специалистов трудоустройства в китайской системе образования.

¹⁷ Об этом можно судить хотя бы по объёмам ассигнований, отпущенных на организацию обучения китайцев за рубежом: так, в 1907 г. Сюэбу выделило на отправляющихся в Англию 24,2 тыс. лянов, Францию — 15,8 тыс. лянов, Германию — 6,06 тыс. лянов, США — 4,3 тыс. лянов, Россию — всего 2,5 тыс. лянов [12, л. 4].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баршова О.А. Формирование учительской интеллигенции во второй половине XIX — начале XX в. как фактор социокультурного развития российской провинции (на примере мордовского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Научно-исследовательский ин-т гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. 20 с.
2. Гессе-Вартега. Образование в Китае // Азия. Иллюстрированный географический сборник. 3-е изд. М.: Типография Тов-ва Кушнарв и Ко., 1908. С. 124—135.
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1912—1915. Собр. 3-е. Т. 32. Отд. I и дополнения. 1790 с.
4. Радовский М.И. Русский китаевед И.К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. М.: ИВЛ, 1961. Вып. II. С. 88—99.
5. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 508 с.
6. Хохлов А.Н. Первый преподаватель русского языка в Пекине А.Ф. Попов // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 76—87.
7. Шереметьев П.С. Народные учителя и учительницы в Тульской губернии: историко-статистический очерк. Тула: Типография губернского правления, 1898. 65 с.
8. Chang Chung-li. The Income of the Chinese Gentry. Seattle: University of Washington Press, 1962. 369 p.
9. Ch'u Tung-Tsu. Local Government in China under the Ch'ing. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962. 360 p.
10. 高晓芳. 晚清洋务学堂的外语教育研究 = Гао Сяофан. Исследования преподавания иностранных языков в иностранных школах в поздний период династии Цин. Пекин: 商务印书馆, 2007. 301 с.
11. 戴建兵. 中国近代银两史 = Дай Цзяньбин. История серебряного лян в Китае в Новое время. Пекин: 中国社会科学出版社, 2007. 366 с.
12. 第一次教育统计图表 = Первое графическо-статистическое описание, подготовленное Ведомством по делам просвещения. Пекин: 学部总务司编, 1907. 51 л.
13. 董卓然. 浅析清末三次新政的教育改革 = Дун Чжожань. Краткий анализ трёх реформ в области образования в период новой политики в поздние годы династии Цин // 新疆地方志. 2011. № 2. С. 61—64.
14. 邓绍辉. 晚清财政与中国近代化 = Дэн Шаохуэй. Финансы в поздние годы династии Цин и модернизация Китая. Чэнду: 四川人民出版社, 1998. 359 с.
15. 向中银. 晚清外聘人才管理制度初探 = Сян Чжунъинь. Первичный анализ системы управления иностранными кадрами в поздние годы династии Цин // 社会科学研究. 1997. № 4. С. 98—103.
16. 向中银. 晚清外聘人才的来源与分布初探 = Сян Чжунъинь. Первичный анализ источников найма и распределения иностранных специалистов в поздние годы династии Цин // 江海学刊. 2001. № 1. С. 127—131.
17. 肖玉秋. 清季俄罗斯文馆延聘俄人教习研究 = Сяо Юйцю. Исследования найма российских преподавателей в Школу русского языка [при Дворцовой канцелярии] во время династии Цин // 史学月刊. 2008. № 12. С. 80—88.
18. 黄冕堂. 中国历代物价问题考述 = Хуан Мьянтан. Очерк по вопросам цен на товары в разные эпохи в Китае. Цзинань: 齐鲁书社, 2007. 404 с.
19. 金林祥, 赵会可. 晚清新式教育经费不足原因分析 = Цзинь Линьсян, Чжао Хуэйкэ. Анализ нехватки финансирования нового образования в поздние годы династии Цин // 宁波大学学报 (教育科学版). 2002. № 2. С. 10—14.

20. 蕪阳侠. 清末新政时期办学经费来源及其性质初探 = Ци Янся. Первичный анализ источников и форм финансирования образования в период новой политики в поздние годы династии Цин // 教育与经济. 1989. № 3. С. 60—64.
21. 催恒秀, 王建华. 晚清政府投资办学述论 = Цуй Хэнсю, Ван Цзяньхуа. Обсуждение вопросов финансирования образования цинским правительством в поздний период // 史林. 1999. № 2. С. 70—74.
22. 千家驹, 郭彦岗. 中国货币史纲要 = Цянь Цзяцзюй, Го Яньган. Очерк истории денег в Китае. Шанхай: 上海人民出版社, 1986. 269 с.
23. 中国近代学制史料 = Исторические материалы о системе образования в Китае в Новое время / под ред. Чжу Юсяня. Шанхай: 华东师范大学出版社, 1983. 610 с.
24. 中国近代教育史资料汇编. 洋务运动时期教育 = Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование в период Движения по «освоению заморских дел» / под ред. Гао Шиляна, Хуан Жэньсяна. Шанхай: 上海教育出版社, 2007. 1033 с.
25. 筹办夷务始末. 同治朝 = Полное изложение сведений по ведению дел с варварами в правление Тунчжи. Пекин: 中华书局, 2008. Т. 2. 920 с.
26. 商丽浩. 近代学堂收费制度的形成 = Шан Лихао. Формирование системы сбора [средств] за обучение в школах в Новое время // 教育与经济. 1997. № 2. С. 56—59.
27. АВП РИ (Арх. внешней политики Российской Империи).

REFERENCES

1. Barshova O.A. *Formirovanie uchitelskoy intelligencii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. kak factor sotsiokulturnogo razvitiya rossiyskoy provincii (na primere mordovskogo kraja)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Establishing Teachers' Intelligentsia as a Factor of Sociocultural Development of Russian Province in the Second Half of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century. Author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Saratov, Nauchno-issledovatel'skij institut gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya Publ., 2013, 20 p. (In Russ.)
2. Gesse-Vartega. *Obrazovanie v Kitae* [Education in China]. *Asia. Illustrirovanniy geograficheskiy sbornik* [Asia. Illustrated Geographic Collection]. 3rd edition. Moscow, Tipografiya Tovarishchestva Kushnarev i Ko Publ., 1908, pp. 124—135. (In Russ.)
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1912—1915, Third Collection, vol. 32, First Section and Supplements, 1790 p. (In Russ.)
4. Radovskiy M.I. *Russkiy kitaevod I.K. Rossokhin* [Russian Sinologist I.K. Rossokhin]. *Iz istorii nauki i tehniki v stranah Vostoka* [From the History of Science and Engineering in Oriental Countries]. Moscow, IVL Publ., 1961, iss. 2, pp. 88—99. (In Russ.)
5. Skachkov P.E. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the History of Russia's Sinology]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 508 p. (In Russ.)
6. Khokhlov A.N. *Perviy prepodavatel russkogo yazika v Pekine A.F. Popov* [The First Russian Language Teacher in Peking A.F. Popov]. *Voprosy istorii*, 2009, no. 11, pp. 76—87. (In Russ.)
7. Sheremetiev P.S. *Narodnie uchitela i uchitel'nici v Tul'skoy gubernii: istoriko-statisticheskiy ocherk* [People's Schoolmasters and Schoolmistresses in the Tulskaia Province: Historical and Statistic Essay]. Tula, Gubernskoe upravlenie Publ., 1898, 65 p. (In Russ.)

8. Chang Chung-li. *The Income of the Chinese Gentry*. Seattle, University of Washington Press Publ., 1962, 369 p. (In Eng.)
9. Ch'u Tung-Tsu. *Local Government in China under the Ch'ing*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press Publ., 1962, 360 p. (In Eng.)
10. 高晓芳. 晚清洋务学堂的外语教育研究 [Gao Xiaofang. Research on the Teaching Foreign Languages in Foreign Schools during the Late Qing Dynasty]. Beijing, 商务印书馆 Publ., 2007, 301 p. (In Chin.)
11. 戴建兵. 中国近代银两史 [Dai Jianbing. History of Silver *Liang* in Modern China]. Beijing, 中国社会科学出版社 Publ., 2007, 366 p. (In Chin.)
12. 第一次教育统计图表 [The First Graphic and Statistic Description Prepared by the Ministry of Education]. Beijing, 学部总务司编 Publ., 1907, 51 p. (In Chin.)
13. 董卓然. 浅析清末三次新政的教育改革 [Dong Zhoran. Brief Analysis of Three Reforms in Education during the Late Qing Dynasty]. 新疆地方志, 2011, no. 2, pp. 61–64. (In Chin.)
14. 邓绍辉. 晚清财政与中国近代化 [Deng Shaohui. Finance during the Late Qing Dynasty and Modernization of China]. Chengdu, 四川人民出版社 Publ., 1998, 359 p. (In Chin.)
15. 向中银. 晚清外聘人才管理制度初探 [Xiang Zhongyin. Primary Analysis of the Management of Foreign Staff during the Late Qing Dynasty]. 社会科学研究, 1997, no. 4, pp. 98–103. (In Chin.)
16. 向中银. 晚清外聘人才的来源与分布初探 [Xiang Zhongyin. Primary Analysis of Sources of Employment and Placement of Foreign Staff during the Late Qing Dynasty]. 江海学刊, 2001, no. 1, pp. 127–131. (In Chin.)
17. 肖玉秋. 清季俄罗斯文馆延聘俄人教习研究 [Xiao Yuqiu. Study on the Employment of Russian Teachers at the Russian School during the Qing Dynasty]. 史学月刊, 2008, no. 12, pp. 80–88. (In Chin.)
18. 黄冕堂. 中国历代物价问题考述 [Huang Miantang. Essay on Prices for Goods during Various Periods in China]. Jinan, 齐鲁书社 Publ., 2007, 404 p. (In Chin.)
19. 金林祥, 赵会可. 晚清新式教育经费不足原因分析 [Jin Linxiang. Analysis of Financial Shortage of New Education during the Late Qing Dynasty]. 宁波大学学报 (教育科学版), 2002, no. 2, pp. 10–14. (In Chin.)
20. 蕲阳侠. 清末新政时期办学经费来源及其性质初探 [Qi Yangxia. Primary Analysis of Sources and Education Financing during the period of New Policy during the Late Qing Dynasty]. 教育与经济, 1989, no. 3, pp. 60–64. (In Chin.)
21. 催恒秀, 王建华. 晚清政府投资办学述论 [Cui Hengxiu. Discussion on Financing Education by the Qing Government during the Late Qing Period]. 史林, 1999, no. 2, pp. 70–74. (In Chin.)
22. 千家驹, 郭彦岗. 中国货币史纲要 [Qian Jiajiu, Guo Yandong. Essay on the History of Money in China]. Shanghai, 上海人民出版社 Publ., 1986, 269 p. (In Chin.)
23. 中国近代学制史料 [Historical Materials on the System of Education in Modern China]. Ed. by Zhu Yuxian. Shanghai, 华东师范大学出版社 Publ., 1983, 610 p. (In Chin.)
24. 中国近代教育史资料汇编. 洋务运动时期教育 [Collection of Materials on the History of Education in Modern China. Education during the “Yangwu” Campaign]. Ed. by Gao Shiliang, Huang Renxiang. Shanghai, 上海教育出版社 Publ., 2007, 1033 p. (In Chin.)
25. 筹办夷务始末. 同治朝 [Complete Information on Conducting the Affairs with Barbarians during the Rule of Tongzhi]. Beijing, 中华书局 Publ., 2008, vol. 2, 920 p. (In Chin.)
26. 商丽浩. 近代学堂收费制度的形成 [Shang Lihao. Establishing the System of Collecting School Fees in Modern Period]. 教育与经济, 1997, no. 2, pp. 56–59. (In Chin.)